УДК 1:316
DOI: 10.33184/knini-2022-04-22.24

Минаков Илья Павлович
аспирант БашГУ
(Уфа, РФ)

«МЕСТА ПАМЯТИ» КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕРЕСА ОБЩЕСТВА К СВОЕМУ КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ[1]

Аннотация: В статье предпринята попытка исследовать влияние «Мест памяти» на формирование и развитие интереса общества к своему культурному наследию. Анализируются вопросы, посвящённые формам и механизмам репрезентации памяти, многообразию памятных мест и видам коммеморативных ритуалов. В работе подчёркивается, что исследование «Мест памяти» вносит особый вклад в создание методологических оснований развития междисциплинарного направления Memory studies.

Ключевые слова: «Места памяти», преемственность поколений, коллективная память, культурное наследие, коммеморация, идентичность

«MEMORY SPACE» AS A WAY OF FORMING PUBLIC INTEREST IN THEIR CULTURAL HERITAGE

Annotation: The article attempts to investigate the influence of «Memory space» on the formation and development of public interest in their cultural heritage. The questions devoted to the forms and mechanisms of memory representation, the variety of sites of memory and types of commemorative rituals are analyzed. The paper emphasizes that the study of «Memory space» makes a special contribution to the creation of methodological foundations for the development of the interdisciplinary field of Memory studies.

Keywords: «Memory space», succession of generations, collective memory, cultural heritage, commemoration, identity.

[1]Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90084.

В настоящее время проблема памяти как общественного феномена привлекает значительное внимание отечественных и зарубежных исследователей, изучающих её в рамках философии, социологии, истории, культурологии и иных социальных и гуманитарных дисциплин. Её разработка ведется в ракурсе междисциплинарного взаимодействия Memorystudies, способствующего обогащению философского видения данного вопроса.

Рост общественного интереса к прошлому (т.н. «мемориальный бум») наиболее активно начинает развиваться с последней четверти XX века. Причины такого внимания были связаны с изменением структуры общества постмодерна: усиливающимся развитием процессов глобализации; возникновением новых технологий хранения, обработки и передачи информации; наличием масштабного объема эмпирического материала основу которого составляют важные события мировой истории, нуждавшиеся в переосмыслении современными поколениями. По мнению Ю.А. Сафроновой важной причиной всевозрастающего интереса к событиям прошлого является «особое состояние современных гуманитарных наук, опиравшихся на критику истории как способа постижения прошлого со стороны структурализма, постструктурализма, постмодернизма, деконструктивизма и постистории» [1, с. 12].

Следует отметить, что основы исследований памяти как публичного конструкта восходят к трудам французского социолога Мориса Хальбвакса, развившего концепцию Эмиля Дюркгейма о социальном единстве в условиях современного общества. В работе «Социальные рамки памяти»М. Хальбвакс вводит понятие «коллективная память», одним из первых, отмечая важность общих воспоминаний для осознания принадлежности к социальной группе. В данной работе уже прослеживаются ранняя концептуализация «Мест памяти». Хальбвакс отметил значение коллективной памяти для формирования и существования индивидуальной памяти человека, входящего в определённое сообщество. Он указывал на подвижную, социальную природу индивидуальной памяти, которая воспроизводится с учетом картины прошлого, значимого и достоверного для представителей того или иного сообщества (группы). Данный тезис подтверждается тем, что по причине ненадёжности индивидуальной памяти, представителям отдельных общностей остается опираться только на то прошлое, которое сохраняется в форме коммеморативных останков.

Несмотря на то, что память и история – это два типа дискурсов о прошлом Хальбвакс лично указывает на несколько причин того, почему они не могут быть валидными. Так, например, коллективная память отличается множественностью, непрерывностью развития и отсутствием строгих «разделительных черт», которые так свойственны истории [2].

В 1920-е годы концепция Хальбвакса была подвергнута мощной критике со стороны представителей новой исторической науки, в частности, основателя школы «Анналов» Марка Блока, настаивавшего на существовании только индивидуальной памяти. Алейда Ассман отмечает: «Марк Блок указывал Морису Хальбваксу, основоположнику исследований памяти, что понятие “коллективной памяти” метафорично, а потому ложно» [3, с. 15]. По этой причине, идеи Хальбвакса долгое время были в забытьи и ассоциировались лишь с дополнением к социологии Э. Дюркгейма.

Без сомнения, в критике Блока, есть доля истины. Понятие «память» являясь явно метафоричной конструкцией имеет достоинства и недостатки, ингерентные другим метафорам. С одной стороны, такой подход способствует расширению предметного поля исследований, идентифицируя множество сложных для сравнения, а иногда и для понимания процессов, обусловленных воображением. С другой стороны, метафора является неограниченным средством в производстве значений всех видов. Ю.А. Сафронова отмечает: «вооружившись ею [памятью] как знаменем, вы можете изучать практически все, что угодно, и отвечать на любую критику в том, что автор использует это понятие метафорически» [4,с. 19].

К началу XXI века уже накоплен значительный теоретический материал, ориентированный на проблему коллективной памяти и её разновидностей социальной памяти, культурной памяти и исторической памяти. Среди множества авторов, рассматривавших концепции коллективной памяти, следует назвать как отечественных, так и зарубежных исследователей таких как: А. Варбург, В. Беньямин, П. Нора, Я. и А. Ассманы, Т.И. Ерохина, Ю.М. Лотман, П. Риккер, Дж. Боднар, А.В. Полетаева, В.А. Лекторский, И.М. Савельева, М.Л. Шуб и др.

Термины «коллективная память» и её разновидности «социальная память», «историческая память», «культурная память», продолжают подвергаться критике, обусловленной скепсисом в отношении существования общей памяти у сообществ, как некой реальной сущности. Осложняет положение и явный методологический кризис Memorystudies, основанный на междисциплинарном разночтении и отсутствии условного консенсуса между социально-гуманитарными науками. В конечном итоге, понятие «коллективная память» Мориса Хальбвакса, которое является для большинства исследователей памяти основополагающим,продолжает наполняться всевозможным научным содержанием и заменяться аналогичными, но не схожими по форме определениями с целью решения различного рода теоретических и практических задач. Тем не менее, многие исследователи считают, что «память», являющаяся,возможно, и не самой успешной метафорой, позволяет кларифицировать некоторые

механизмы консолидации современного общества и способствовать обеспечению преемственности поколений.

Предприняв попытку конкретизации на наш взгляд понятие социокультурная память, как одна из разновидностей коллективной памяти, сочетающая в себе другие её вариации (социальную память и культурную память), в наибольшей степени подходит для отражения непрерывного процесса, в котором общество формирует и стабилизирует идентичность посредством реконструкции своего прошлого, как решающего фактора духовного развития современной личности. На наш взгляд под социокультурной памятью следует понимать совокупность значимых для сообщества (группы) духовных ценностей и достижений культуры прошлого, воспроизводимых в настоящем и обеспечивающих преемственность и связь поколений, позволяющих сохранять её идентичность, предоставляя возможность для стабильного, самобытного, осмысленного и условно предсказуемого существования сообщества (группы) как целостной социокультурной системы.

В изучении механизмов консолидации общества работы Хальбвакса стали определённой методологической основой и способствовали появлению целого ряда исследований, которые были посвящены формам репрезентации памяти, многообразию «Мест памяти» и видам коммеморативных ритуалов. Значительный вклад в исследование данной проблематики был привнесён французским историком Пьером Нора, который смог реанимировать,уточнить и популяризовать полузабытые идеи Хальбвакса в том числе развить представления о местах памяти.

Если Морис Хальбвакс рассматривает коллективную память и историю как несопоставимые явления, то Пьер Нора, соотнося эти понятия предпринимает попытку трансформации исследования коллективной памяти в своего рода историю ментальности, однако лишь для исследования современности.

Е.В. Романовская отмечает, что «работа Нора и его соавторов показывает, как память о прошлом и история прошлого Франции оказываются в центре идентификации настоящего» [5, с. 42]. Память по Нора, открыта для диалектики запоминания и забывания, она чувствительна к использованию и манипуляциям, в таком виде память является репрезентацией настоящего. История, напротив, является проблематичной реконструкцией того, что уже ушло – это репрезентация прошлого. Нора приходит к выводу о том, что коллективная память является продуктом диалектической взаимосвязи между историей и памятью, состоящим из отдельных фрагментов историй, объединенных в общее повествование, сформированное элитами, институтами, личными интересами и социально-политическими процессами, а также борьбой за

власть и культурными интересами, отраженными в меняющейся политической и социокультурной реальности.

В статье «Всемирное торжество памяти» Пьер Нора дополняет собственное видение на проблему актуализации памяти и истории. Исследователь определяет современность как эпоху всемирного торжества памяти, и указывает на два явления, обусловивших ее становление. Первая причина, проявляется в феномене «ускорения истории», то есть таких изменениях, которые разрушают единство исторического времени, нацеленного на постоянство и устойчивость. Вторая причина, называемая Пьером Нора «демократизацией истории», заключается в «возникновении разнообразных форм памяти меньшинств, для которых борьба за собственное прошлое является необходимой составляющей утверждения идентичности» [6]. Исследователь замечает, что сама идентичность, также претерпевает смысловую инверсию, трансформируясь из понятия индивидуального в коллективное.

Важно подчеркнуть, что «коллективная память» является весьма широким и расплывчатым понятием, возможно поэтому Нора вводит более конкретный термин – «Места памяти» (фр. Lieudemémoire). Своей концепции «Мест памяти» историк посвятил ряд научных публикаций, важнейшим из которых является семитомный труд «Франция-Память», дифференцированный на несколько разделов: «Республика» (первый том), «Нация» (дальнейшие три тома) и «Франция» (последние три тома).

Центральное понятие «Места памяти» состоит из нескольких определений. С одной стороны, в виде «останков» прошлого и с другой как «крайняя форма, в которой существует коммеморативное сознание в истории, игнорирующей его, но нуждающейся в нём» [7, с. 26]. Нора констатирует, что «Места памяти» являясь утрачиваемым прошлым, продолжат существовать где-то в сознании социальной общности (группы), но в скором времени могут исчезнуть навсегда. В результате, отдалившись от пространства коллективных воспоминаний, «Места памяти» непременно будут преобразованы в историю. Мемориальное изобилие, по Нора, доказывает, что «прошлое утратило единый смысл и что настоящее, наделенное историческим самосознанием, неизбежно узаконивает множественность возможных версий прошлого» [6].

Следует обратить внимание на то, что словосочетание «Места памяти» было заимствовано Пьером Нора из труда «Искусство памяти», написанного английской писательницей Френсис Йейтс в 1966 году. У Йейтс оно отсылало к античному понятию locimemoriae, как вариации мнемотехники. Если для Цицерона locimemoriae являлось практическим инструментом памяти, очищенным от идеологии и свободным от социальных ценностей, исторических взглядов или ожиданий на будущее, то Нора существенно изменяет это понятие. Он приходит к

аргументированному выводу о том, что «Места памяти» в своей основе являются идеалогзированными структурами. По мнению, Пим ден Бура «большинство “Мест памяти”, которые изучали Нора и его коллеги, были созданы, изобретены или переозначены для того, чтобы служить национальному государству и быть основой национальной идентичности французских граждан» [8, p. 21].

Немаловажной для понимания концепции «Мест памяти» Пьера Нора является также её связь с постмодернистской критикой, главным образом с генеалогической деконструкцией французского философа Мишеля Фуко. Причина существования «Мест памяти» по Нора обусловлена ощущением потери спонтанной памяти сообщества или меньшинства и их сильным по степени проявления желанием что-либо помнить. Размышления о современном состоянии истории, превратившейся в знание общества о самом себе, в том числе из-за разрыва связи с живой традицией, приводят Нора к очевидному тезису «нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными» [7, с. 26].

Происхождение «Мест памяти» связано с реализацией коммеморативных практик, под которыми понимается совокупность всех способов стимуляции памяти, сконцентрированных в том или ином объекте, событии, персоне, общности (группе). Нора констатирует, что «Местапамяти» выражаются во взаимосвязи трех смыслов – материальном, функциональном и символическом. Своеобразие «Мест памяти» проявляется в наделении их символической, всеобщей для сообщества (группы) людей, ценности. Историк подчеркивает, что «даже место, внешне совершенно материальное, как, например, архивное хранилище, не является местом памяти, если воображение не наделит его символической аурой» [7, с. 40].

В томах своего издания «Франция-Память» Пьер Нора демонстрирует многочисленные примеры «Мест памяти», это: Флаг Франции, Жанна д'Арк, Великая французская революция, Марсельеза, Здание парижского Пантеона, стена коммунаров, французское вино, словарь Ларусса, столетие Вольтера и Руссо, французская национальная библиотека, похороны Виктора Гюго, «Географические картины Франции» Поля Видаля де ла Блаша и другие.

По аналогии можно представить отечественные «Места памяти» это: Московский кремль, Куликовское и Бородинское поле, марш «Прощание славянки», центр Санкт-Петербурга, Севастополь, крейсер «Аврора», мавзолей Ленина, Брестская крепость, скульптура «Родина-мать зовет» в Волгограде, могила Неизвестного солдата у Кремлёвской стены, фотопортрет Юрия Гагарина и многие другие.

Фактически, российские «Места памяти» не остались без внимания исследователей. Амбициозный, но так и не завершенный проект был осуществлен под руководством франко-швейцарского историка и филолога-слависта Жоржа Нива. Первый том, с подзаголовком «География русской памяти», опубликованный в 2007 г. на французском языке, был посвящен городам (Москве, Санкт-Петербургу, Ярославлю, Перми, Костроме Великому Новгороду и др.), музеям, университетам, библиотекам, церквям, местам воинской славы и др. Последующие тома, которые Нива планировал посвятить истории, мифологии и патологии русской памяти, к сожалению, так и не были изданы.

Более известной работой является исследование «Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 – 2000)» за авторством немецкого историка Беньямина Шенка. Исследователь рассматривает историю памяти об Александре Невском в многолетний период с XIII по XX века, изменения которой он описывает как «движение интерпретаций, смысловых “уплотнений”, “смещений” и “выпадений”, а также воспоминания и забвения, отражающие изменения в самоописании “мы-группы”» [9, с. 10]. Примечательно то, что Б. Шенк отказывается от создания очередной «энциклопедии» и в качестве предмета своего исследования рассматривает исторического персонажа, как «фигуру памяти» вокруг которой конструируется идентичность нации.

В заключение отметим, проблема памяти как публичного конструкта является актуальной и одной из самых разрабатываемых в ракурсе междисциплинарного взаимодействия Memorystudies. Французский социолог Морис Хальбвакс одним из первых обратил внимание на то, что память в отличие от истории, нацеленной на объективность и беспристрастность, всегда эмоционально окрашена и предполагает субъективное восприятие прошлого. Являясь важным инструментом консолидации, память играет новую роль в современной культуре, направленной на отказ от курса унификации и стандартизации. Развитие концепции Хальбвакса, ориентированной на исследование форм и механизмов репрезентации памяти было успешно реализовано французским историком П. Нора в проекте «Места памяти», совмещающем в себе основные теоретические концепты «Школы Анналов» и критику исторической науки Мишеля Фуко. По отношению к интерпретации современных событий, концепция Нора позволяет по-другому взглянуть на многие явления прошлого, освободив их от засилья анахронизмов, мифологизациии чрезмерной политизации. Одновременно с этим, исследование «Мест памяти» вносит свой вклад в создание методологических оснований развития междисциплинарного направления

Memory studies, которое позволяет нам в полной мере познать природу коллективной, социальной, культурной памятии их связи с историей.

Список использованных источников

1. Ассман, А. Новое недовольство мемориальной культурой / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Хлебникова. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с

2. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. – 2005. – № – 2-3. – С. 202-208. [Электронный ресурс]. Режим доступа : https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/vsemirnoe-torzhestvo-pamyati.html (дата обращения: 10.03.2022).

3. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика «Мест памяти» // Франция-память. / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. – СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 17-50.

4. Романовская Е.В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. – 2010. – №3. – С. 39-44.

5. Сафронова Ю.А. Memorystudies: эволюция, проблематика и институциональное развитие // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. – М.-СПб: Нестор История, 2018. – С. 11-26.

6. Сафронова Ю.А. Третья волна Memorystudies: Двадцать три года против шерсти // Политическая наука. –2018. – № 3. – С. 12-31.

7. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. – № 2-3. –С. 8-27. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (дата обращения: 10.03.2022).

8. Шенк Ф. Б. Александр Невский в русской культурной памяти: святой, правитель, национальный герой (1263 – 2000) / Авторизованный перевод с нем. Елены Земсковой и Майи Лавринович – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 592 с.

9. Boer R, den. Loci memoriae–Lieux de memoire // Cultural Memorystudies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by A. Erll, A. Niinning. Berlin; New York: De Gruyter, 2010. –P. 19-26.

© Минаков И. П., 2022